

---

## ПРАКТИКА

### СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЗАЦИИ\*

*Демидов Андрей Николаевич -  
сотрудник Института коллективное  
действие» (Москва).*

На левой политической карте мира Россия до последнего времени - большое белое или серое пятно. Образовавшиеся после краха Советского

Союза руины захватили мародеры - эпигоны сталинизма, привнесшие в левую теорию самые дикие новшества в виде теории «русского социализма» и реанимировавшие старый славянофильский тезис об исключительности русской цивилизации и ее всемирно-историческом значении. При этом подлинно интернационалистские силы пока слабы, немногочисленны, и не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на политические и социальные процессы в стране. Столь же незначительным остается влияние на ситуацию т.н. «третьего сектора», который на Западе является реальной силой, с которой должно считаться правительство. Следует также признать, влияние российских левых сил и социальных движений в мировом масштабе крайне незначительно и факт участия российских делегатов социальных и политических движений в международных социальных форумах мало спасает ситуацию.

Конечно, есть соблазн пойти по пути простых объяснений этого феномена.

Например, тяжелое наследие тоталитаризма, уничтожившего не только любые формы независимой от власти самоорганизации граждан, но вытравливавшей даже представление о возможности таковой.

Или эту ситуацию можно попытаться списать на высокие цены на нефть, которые позволяли до последнего времени правительству нейтрализовать любую опасность недовольства снизу денежным дождем.

Если принять последнюю версию, в условиях глобального экономического кризиса влияние левых должно автоматически возрастать в обратной пропорции убыванию финансовых запасов государства.

Абсурдность предыдущего тезиса наглядно показывает, такие объяснения страдают односторонностью, хотя, конечно, отчасти и первый и второй факты имеет место.

Другие факторы, возможности и умения левых работать с населением, в том числе или даже прежде всего, через социальные инициативы, и обратный отклик, т.е.

---

\* В статье использованы материалы, размещенные на сайте Института «Коллективное действие» [www.ikd.ru](http://www.ikd.ru)

---

готовность населения отказаться от индивидуальных стратегий выживания, так популярных в предыдущие десятилетия в пользу стратегий коллективных.

И надо сказать, что в последние годы в этих вопросах наметились изменения, хотя, вероятно, еще не слишком заметные на международном уровне, но очевидные для заинтересованного (включенного) наблюдателя, находящегося на месте событий.

### Социальный и политический контекст

Как мы уже отмечали, общая проблема, мешающая развиваться как социальным, так и левым (политическим) движениям в России, состоит в дефиците солидарности, которая, в конечном счете, опирается в нехватку доверия.

Конечно, нельзя сказать, что люди в России совсем не доверяют друг другу. В таком случае, общество было слишком похоже на описанную английским философом Т. Гоббсом «войну всех против всех». Однако, как констатирует в своей посвященной социальным движениям в России работе социолог К. Клеман, солидарность в российском обществе, «как правило, замыкается в рамках частной группы и позволяет решить индивидуальные проблемы членов группы, которые очень далеки от общественных вопросов или даже прямо противоречат общему благу. Более того, эта солидарность управляется крайне специфическими неформальными правилами, в большинстве случаев навязанными главой группы, которые никак не распространяются на индивидов, внешних для группы. Тем самым, этот тип солидарности отдаляет индивидов не только от коллективного действия, но одновременно и от минимальной реализации ими своей гражданственности».

Эти характеристики, которые транслируются в течение последних десятилетий если не веков, и очевидно, связаны с традиционно жесткой позицией российской власти к всяким проявлениям гражданской самодеятельности лишь усугубили текущие изменения, инициированные В. Путиным, а в последнее время, его преемником Д. Медведевым.

Прежде всего, речь идет о целой серии законодательных реформ политической системы: усиление бюрократических и формальных барьеров против демонстраций и забастовок, упразднение прямых выборов губернаторов и мэров, практическая невозможность проведения референдума по инициативе населения, отмена голосования за одномандатников на общенациональных парламентских выборах, подъем барьера для вхождения партий в Думу с 5% до 7%, трудноосуществимые нормы регистрации партий (минимум 50000 членов в 45 регионах), новый закон, усиливающий контроль государства за НПО и т.д. В результате, «политические возможности» сужаются еще больше. Институциональная политическая система в целом защищена от любых вторжений новых игроков, оппозиционеров или низовых и неподконтрольных групп. Завершает эту картину растущее использование репрессий и запугивание

---

оппонентов и протестующих, контроль над крупными теле-СМИ, а также внедрение «официального гражданского общества» (создание органов гражданского общества, избираемых и контролируемых президентской властью, например, «Общественной палаты»).

И, тем не менее, на фоне этой репрессивной политики и эксплуатации властью самых отвратительных стереотипов архетипов сервильности и конформизма, несмотря на наличие в руках государства моря денег из которого, как казалось, можно бесконечно долго черпать средства для тушения любого массового протеста, социальные движения стали развиваться, даря тем самым, левым надежду на выход из кризиса, в котором они перманентно пребывают.

### **Новейшая история социальных движений**

Конечно, какие-то остатки былого многоцветья общественной самодеятельности перестроечной поры сохранились и в пору путинской зимы. Однако, те, кто смогли выжить, в подавляющем большинстве, перешли в форму классических НКО, живущих на гранты и тщательно следящих за тем, чтобы не дать властям или грантодателю повода прекратить финансирование. В основном, выжили правозащитные и экологические организации и в какой-то мере, свободные профсоюзы. Вместе с тем, немало лидеров либо ушли в частную жизнь (профессиональную) либо успешно интегрировались в систему. Классическим примером можно считать одного из лидеров российской Конфедерации анархо-синдикалистов в 1989-91 гг. Андрея Исаева. Ныне он заместитель руководителя правящей партии «Единая Россия», депутат парламента.

В таких условиях, не кажется удивительным, что новое движение возникло в основном, помимо существующих структур.

В 2004 году правительство объявило о проведении процедуры «монетизации» льгот (тех не денежных форм социальной поддержки малоимущих слоев, которые были введены в годы правления Ельцина, чтобы хоть как-то компенсировать ужасающую нищету подавляющего большинства населения). Формально, «льготы» не отменялись, но заменялись денежной компенсацией. Однако, размер этой компенсации был явно неадекватен стоимости тех натуральных льгот, которые она должна была компенсировать. Надо иметь в виду, что, несмотря на постоянно растущие в период путинского правления цены на нефть, полученные сверх-доходы не направлялись на социальные нужды и повышение зарплат, а стерилизовались в виде т.н. «стабилизационного фонда», дабы, как утверждали находящиеся под влиянием монетаристских концепций правительственные чиновники, «не раскручивать инфляционную спираль». Поэтому не менее, 40% населения и 80% пенсионеров в России находятся за чертой бедности. В этих условиях потеря даже части доходов (в виде бесплатных услуг) критически понижало уровень жизни этих людей.

---

Кроме того, многих льготников (и даже их организации, вполне лояльные власти) шокировало введение этой меры без какого-то учета мнения самих льготников. Мнение экспертов, дружно предрекавших ухудшение положения уязвимых групп было также проигнорировано. Таким образом, впервые, может быть, с момента крушения Советского Союза как фактор определяющий мотивацию людей выступил такой «экзотический» элемент как оскорбленное достоинство (человеческое и профессиональное).

Поскольку данная мера (оформленная как законопроект) затрагивала огромное количество разных категорий (суммарное количество пострадавших оценивалось почти в 100 млн. человек при общей численности населения России в 147 миллионов), то пожалуй, впервые, причем, по инициативе правительства, произошло осознание необходимости солидарных действий.

По инициативе, сопредседателя левого рабочего профсоюза «Защита труда» и депутата ГД О. Шеина и Некоммерческого партнерства Институт «Коллективное Действие» (К. Клеман) было проведено совещание общественных организаций льготников для выработки общей позиции и плана совместных действий.

В итоге, был образован Совет общественной солидарности (СОС), который стал прообразом сетевых коалиций, ставших лицом современного социального движения в России.

В период до принятия закона парламентом, состоявшегося в августе 2004 года, новая коалиция смогла провести две общероссийские протестные акции, кульминацией которых стали митинги в Москве. Конечно, в сравнении с многотысячными и даже миллионными демонстрациями, которые по таким поводам проходят на Западе, 5 тысяч человек, принявших участие в митинге в Москве в июле 2004 года выглядят жалкой каплей, но для России это было совершенно новое явление. Ведь организаторами впервые выступили не политические партии, а сами граждане через свои гражданские институции.

Кампания была поддержана левыми, которые обращали внимание на монетаристский и неолиберальный характер проводимой реформы, в отличие от либеральной оппозиции, которая отмечала лишь технические огрехи в ее подготовке. В то же время, от большинства левых, по крайней мере, для ортодоксально-государственнической их части ускользнуло то, что подавляющее большинство льготников не возражало против самого принципа замены льгот на деньги (система была негибкой и была предпочтительной только в условиях гиперинфляции), но требовали адекватной замены. Так, собственно, впервые проявились самостоятельность мышления социальных активистов и необходимость для политических активистов согласовывать интересы и требования и отступать от каких-то идеологических догматов. С этим столкнемся не раз и многих такая необходимость (по сути, вступле-

---

ние в реальную политическую борьбу вместо комфорта изолированного существования в политическом гетто) вывела за рамки движения.

Новизну ситуации и накал протестных настроений, видимо, оценили и власти, которые пошли на определенные уступки и оставили некоторый объем натуральных льгот в виде т.н. «социального пакета».

Однако, часть льгот все оказалась аннулированной, в том числе, бесплатный проезд на городском и пригородном общественном транспорте.

В результате, как только закон вступил в силу с 1 января 2005 года и контролеры начали высаживать бывших льготников - пенсионеров из автобусов и трамваев, стихийно образовались многочисленные митинги, требующие одного – вернуть утраченные льготы. Причем, хотя СМИ трактовали это только как меркантильный протест, здесь на сцену опять выступила такая нерыночная субстанция как «достоинство» и «возможность быть человеком». Наряду с финансовой стороной, пожилые люди отмечали тот факт, что льготы были признанием их заслуг в развитии страны в предшествующую эпоху. А особую важность транспортной льготы многие пенсионеры объясняли тем, что она позволяет им быть в обществе, передвигаться, общаться. «Они (власти – А.Д.) хотят, чтобы мы дома сидели, каждый поодиночке» - эта фраза из одного из интервью могла бы стать лейтмотивом выступлений.

Лишь отдельные политические активисты на местах успели отреагировать на этот акт отчаяния и протеста, но они сыграли значительную роль, так как помогли формулировать требования и воодушевляли на решительные действия. Иногда во время принесенного ручного мегафона или решительного призыва оказывалось достаточно для того, чтобы события пошли по иному руслу. Перекрытие нескольких транспортных магистралей (благо, ходить далеко было не нужно, конфликты происходили непосредственно на обочине дороги), столкновение протестующих с ОМО-Ном (специальным подразделением милиции для разгона манифестантов, показали, властям, что дело чревато потерей поддержки (несмотря на попытки дискредитации протестующих, общественное мнение однозначно было на их стороне). Избиения милицией пожилых людей и сам факт лишения малоимущих создали ситуацию, когда пропагандистская машина, которой казалось все под силу, вдруг забуксовала.

В результате, льгота была вновь восстановлена (правда, в несколько другом виде), а граждане получили бесценный опыт пусть частичной, но чрезвычайно важной как прецедент, победы над властью, до того казавшейся незыблемым монолитом, глухой стеной, об которую можно разбить голову, так и не добившись ответа.

Эта ситуация (ощущение «власть – это мы») была абсолютно новым явлением. К этому же времени относится создание первых координационных структур местного уровня (советы, комитеты солидарных, протестных, гражданских действий), ставивших задачу координировать протестную деятельность. Именно, они стали центром кристаллизации протестных инициатив, вбирая их по мере их появления, помогая

---

---

организоваться, сформулировать требования, поддерживая солидарными действиями. Это схема, которая работает пока не везде и с большими вариациями, там где работает, но тенденция очевидна.

Будучи ограничены рамками журнальной статьи, проиллюстрируем развитие движения примерами, характеризующие тенденции последнего года и перспективы на следующий, по трем наиболее значимым сегментам движения.

### **Льготники**

Хотя еще не давно казалось, что власти, пойдя на частичные уступки и оставив часть льгот в натуральной форме «соцпакета», сумели стабилизировать ситуацию, 2008 года показал, что эта стабильность обманчива.

Прошедшие в течение года сразу в нескольких регионах акции против монетизации показали, что тема транспортных льгот по-прежнему является наиболее значимой.

Самыми массовыми и упорными стали октябрьские волнения 28-30 октября сего года в сибирском Барнауле, где несколько тысяч льготников на три дня фактически парализовали движение в центре города и осадили местный «Белый дом», буквально силой усадив администрацию за стол переговоров и вырвав у нее обещание отменить непопулярное решение.

Дело в том, что местные власти решили сделать еще один шаг по пути монетизации и отменить уже социальный проездной, заменив его далеко неадекватной денежной компенсацией.

Следует отметить, что, так же как и в 2005 году ни одна из политических сил (в том числе, внесистемной оппозиции) не оказалась готова стать организаторами выступления пенсионеров (хотя власти старались озвучивать именно версию о «темных силах» и даже объявили одним из организаторов несовершеннолетнего активиста радикальной левой организации «Левый фронт»). Несмотря на то, что оппозиция предрекала властям повторение бунтов 2005 года, ее лидеры, как позже признались, сами не верили в реальность своих прогнозов. Видимо, в этом же была уверена и местная власть, заранее нейтрализовав потенциальных вождей (КПРФ в алтайских событиях участвовала лишь на уровне отдельных деятелей ее левого крыла), но недооценив способности пенсионеров к самоорганизации (благо, проблема была насущной, а требования очевидными).

Т.е. данная социальная категория оказалась гораздо менее разрозненна, чем на то надеялись власти. Первоначальной властью избрана тактика игнорирования протестов и разъяснения «благотворности» проводимой реформы (Характерно, что местные власти апеллировали к требованию федерального центра продолжить реформу). Однако, нарастание протестов, подключение (неофициальное) к ним активистов

---

оппозиции заставили местные власти пересмотреть принятое решение об отмене «социальных» проездных и возобновить их продажу.

Инцидент был исчерпан, но показательно, что власти даже не пытались прибегнуть к силовым методам. Видимо, было понимание, что разгон митинга и массовые задержания пожилых людей могут произвести крайне негативное воздействие на население. В этом, собственно, еще один ресурс пенсионеров как социальной группы – моральный капитал, обеспеченный их положением в обществе. Барнаульские события приобрели гигантский резонанс, став поводом для самых мрачных прогнозов в отношении перспектив российского режима в западной прессе (включая «Уолл-Стрит Джорнал»).

В тоже время, как нам кажется, гораздо более показательным является пример Ижевска (Урал), где Координационный совет гражданских действий (один из первых, созданных в свое время в стране) отбил аналогичные поползновения по отмене проездного, так сказать в «штатном режиме», не прибегая к каким-либо экстраординарным усилиям. Сочетание отработанных механизмов мобилизации, нестандартных акций (типа «засады», устроенной президенту А. Волкову ижевскими пенсионерами) и созданной предыдущими акциями лидерам КС репутации людей, которые «не останутся на полдороге» привели к нужному результату. КС на всех этапах контролировал ситуацию, умело конструируя кампанию, сочетающую протестные акции и переговоры, занимая наступательную позицию.

Хотя, надо признать, тот же ижевский КС уже несколько лет не может добиться от региональных властей принятия регионального закона «О ветеранах», где бы закрепились льготы для пенсионеров, в значительной мере отмененные мнетиизационным законом. И дело не только в цене вопроса. Пока не удастся мобилизовать достаточное для качественного перехода количество людей на акции.

Остается надеяться, что создание общественных объединений льготников-пенсионеров и включение их в общие КС (а в конечно счете, общероссийскую коалицию) позволит увязать транспортную проблему со всем комплексом проблем, порожденных монетизацией и до сих пор не разрешенных. А проблем масса и постепенно очаги сопротивления возникают в разных сегментах социального поля, оказавшегося под пятой чудовищного монстра под названием «монетизационный» 122-й закон».

Пока эти ручейки и вспышки не сливаются потому, что ресурсов не хватает, но они закономерно будут к этому стремиться и уже есть отдельные, но яркие свидетельства того, что процесс идет именно в этом направлении. Скорость и качество этого процесса зависит конечно не только от самих льготников, но и от готовности политических активистов (прежде всего, левых) предложить свои знания и умения для создания оптимального типа взаимодействия и, что особенно важно, взаимного информирования.

---

В заключение, приведем один обнадеживающий штрих. По контактам, оставленным в Интернете, на протестующих в Ростовской области (Юг России) против отмены льгот шахтеров-пенсионеров вышли их коллеги из Кемеровской области (Западная Сибирь). Констатировали общность проблем и договорились о совместных действиях.

В целом, можно констатировать, что протестный потенциал льготной темы не только не исчерпан, но в условиях кризиса и дефицита бюджета будет усиливаться, так как можно ожидать не только продолжения практики нарушения законных прав льготников, но и попыток государства на законодательном уровне урезать эти права даже в сравнении с 122-ФЗ.

### Жилищное движение

Жилищное движение - пожалуй самое многообразное из всех. Здесь совпали по времени несколько реформ (градостроительная, управления домами, приватизация общежитий, реформа земельных отношений и т.д.). Поэтому оно отличается особенным многообразием организационных форм и используемых методов.

Важнейшей по охвату и значимости попрежнему является тема реформы управления домами. Ее суть – разгосударствление и демонаполизация управления жилым фондом, передача его в руки либо самих жителей, либо частных предприятий. При этом муниципальные эксплуатационные службы подвергаются тотальной приватизации.

Хотя эта тема затрагивает практически каждого жителя, но пока еще большинство не готовы отстаивать свои права протестным путем и либо занимают выжидательную позицию, либо вовсе не интересуются проводимыми преобразованиями. Роста протестных настроений следует ожидать позже, когда последствия усилий чиновников отстранить жителей от управления и контроля за расходованием средств и передать дома приближенным к себе кампаниям, станут очевидны для кошелька, а государственное регулирование тарифов будет в интересах «свободного рынка» отменено.

Пока же, темой вызывающей наибольший протест является уплотнительная застройка и градостроительная политика. Несмотря на то, что подавляющее число акций проводятся местными группами, наблюдается прогресс в деле консолидации инициативных групп, по крайней мере на уровне города.

Акции против уплотнительной застройки проходили в течение всего года во многих российских городах. В некоторых случаях проблема уплотнительной застройки и принудительного выселения оказывалась связана с поджогами домов (чтобы захватить землю, которая часто еще не приватизирована жителями).

Среди используемых методов радикальные: блокирование транспортных магистралей, блокирование строительной техники.



---

Часто акции несанкционированные (разрешение, которое требует законодательство, получить практически невозможно), а потому участники нередко подвергаются репрессиям за «нарушение общественного порядка». Иногда это просто криминальные нападения нанятых строительными компаниями бандитов

В поселке в районе Бутово на окраине Москвы противостояние напоминало настоящие военные действия. Жители блокировали стройку, не подпуская на нее строительную технику. Напомним, что власть требует от жителей поселка переехать в квартиры. На месте поселка должен возникнуть новый микрорайон. Однако жители требуют достойной компенсации за свои участки и дома.

Противостояние бутовцев и московских властей перешло в активную фазу летом 2008 года. В поселок стягивались многочисленные наряды милиции, жители насильственно выселялись, а их дома уничтожались. Также происходили поджоги частных домов.

Гораздо более частым явлением по сравнению с прошлым годом стали сносы заборов на участках точечной застройки. Но в целом инициативные жители научились использовать все методы действий – от обращений к акциям прямого действия. Многие научились работать со средствами массовой информации и использовать помощь сочувствующих местных депутатов.

Примечательно, что несмотря на специализацию и разделение по темам, взаимодействие усиливается, хотя бы и на региональном уровне. В Петербурге действует несколько организаций, которые ориентированы на борьбу с уплотнительной застройкой — Движение гражданских инициатив (ДГИ), движение «Живой город», движение «Охтинская Дуга» и другие. Каждое из них сосредоточено на определенном аспекте этой борьбы. ДГИ занимается непосредственно уплотнительной застройкой, «Живой город» — сохранением культурного и архитектурного наследия. «Охтинская Дуга» возникла изначально как протестная инициатива против строительства газпромского небоскреба.

Что касается проблемы вынужденных выселений, она пока в России не приобрела массовый характер, но участились случаи юридически спорных выселений, выселения из сносимых домов и выселения за неуплату. В некоторых городах создаются объединения, нацелены на борьбу с выселениями, например Союз Бездомных в г. Перми или выселяемых с земель, где должны разместиться объекты для Олимпиады 2014 в Сочи.

Из-за кризиса, проблем с ипотечными кредитами, роста тарифов, можно ожидать обострение ситуации в этом отношении.

В целом же отмечается некоторый сдвиг движения в сторону общегородских проблем. Постепенно акценты сменяются — с проблемы уплотнительной застройки к проблемам сохранения исторического облика города, экологической обстановки (протесты против строительства мусоросжигательных заводов, против вырубки де-

---

ревьев и так далее), и общей политической ситуации в городе. Переплетение проблем: сохранения исторического наследия, сохранения экологически благоприятной среды обитания, чему угрожает переуплотнение и повышение антропогенной нагрузки.

В нескольких городах (в частности в Москве и Санкт-Петербурге) были инициированы общегородские референдумы с целью демократизировать систему местного самоуправления. Возобновляются попытки создания снизу Территориальных общественных органов самоуправлений.

На уровне городов существуют уже множество координационных структур (Совет инициативных групп в Москве, расширенные оргкомитеты единых акций в Санкт-Петербурге, Совет общественных инициатив в Иркутске, движение «Наш город» в Калининграде, и т.п.). Чаще всего, эти советы существуют неформально и в рамках проведения конкретной кампании или единой акции. Но некоторые действуют на постоянной основе, как московский совет инициативных групп.

### ***Движение жителей общежитий***

Способом общероссийской кампании протеста жители общежитий добились признания их права на жилье на федеральном уровне уже в 2006 году. Но остаются нерешенными проблемы частных и отчасти ведомственных (и бесхозных) общежитий. Борьба по этим направлениям проводится сейчас на уровне города, но связи между городскими движениями остаются крепкими благодаря обмену опытом (особенно судебным).

Судебная борьба подкрепляется акциями протеста, часто физическим противостоянием с новыми хозяевами, или нанятыми ими бандами.

7 апреля в Перми около 200 жителей одного из «частных» общежитий в знак протеста против попыток хозяев здания выселить их перекрыли дорогу. Люди скандировали: «Верните нам жильё!». Непосредственным поводом для акции стал демонтаж газовых плит и раковин в кухне и в умывальной комнате.

На следующий день, 8 апреля, несколько десятков жителей разных общежитий в Перми объявили голодовку прямо в зале заседаний Пермской городской думы.

Специфическая часть российского жилищного движения - движение людей, обманутых недобросовестными продавцами. Волна мошенничеств в этой сфере привела к тому, что обманутыми оказались десятки тысяч граждан. Это т.н. «средний класс» в отличие от жителей общежитий, принадлежащих к нижним слоям. Держатся несколько обособленно (хотя не чураются радикальных акций, как попытка выставить палаточный городок у Дома правительства). Тем не менее, кризис ведет к пролетаризации «средних» слоев, а волна банкротств в строительной отрасли грозит во много раз увеличить эту армию обманутых соинвесторов (в России около 80% жилья вводится на условиях продажи квартир еще до их постройки) и следовательно к по-

---

иску дополнительных ресурсов (прежде всего, в рамках существующих протестных сетей).

Требования выдвигаемые протестующими – в основном, против роста тарифов. Практически не отмечена акциями бурно идущий сейчас процесс приватизации предприятий ЖКХ-сферы. Несмотря на то, что КПРФ, верная своей идеологии государственного патернализма, пыталась спровоцировать протеста, эти попытки не имели успеха.

По большому счету люди пока не видят разницы между частной и государственной формой собственности, не доверяют управляющим этой собственностью чиновникам. Кроме того, государство пока продолжает регламентировать тарифы на основные коммунальные ресурсы, так что жители не ощутили на себе последствий приватизации.

Однако, поскольку в 2009 ожидается рекордный рост тарифов (в среднем на 25%), вкупе с последствиями кризиса для населения (снижение уровня доходов), то можно прогнозировать всплеск протеста, скорее стихийного и не выливающегося в структурированное движение. Возможны последовательные кампании там, где протесту будет содействовать координационные советы или городские комитеты. В Ижевске массовой акцией 15 декабря (2000 человек вышли на улицу) Координационный совет гражданских действий инициировал такую кампанию.

В заключении хотелось бы добавить, что, по оценкам экспертов ИКД, чисто протестная кампания по вопросам «коммунального беспредела» будет малоэффективной, если она не сопровождается постоянно усилиями для самоорганизации жителей, в первую очередь для контроля над управлением своим домом.

В целом российское население очень пассивно реагировало на реформу управления многоквартирными домами. В ходе проведенного Федеральной антимонопольной службой в июле 2008 года мониторинга выяснилось, что более 50% россиян так и не выбрали способ управления многоквартирными домами. А из жителей многоквартирных домов, сделавших свой выбор, большая часть выбрала управляющие компании (УК) — они управляют 33,4% общего объема жилищного фонда, 2,1% домов управляется собственником самостоятельно (непосредственное управление или НУ), 8,3 % — ТСЖ.

Однако та часть жителей, которая пошла по пути самоуправления (НУ или «народное» ТСЖ), во-первых, расширяется по мере того, как люди сталкиваются с конкретными последствиями их пассивности, а, во-вторых, за прошедший год существенно укрепила взаимосвязи между собой и представляется уже достаточно весомой и, главное, самостоятельной и созидательной общественной силой. Во многом этому способствовало противодействие со стороны местных властей и федеральных лобби управляющих компаний, которое заставляет жителей вести борьбу за реализацию самоуправления, как на местном, так и на федеральном уровне.

---

---

Больше всего самоуправляющиеся сообщества объединены в городские движения (Союз жителей в Астрахани, Движение домкомов в Ижевске и т.п.). Но существует несколько общероссийских сетевых структур.

Одним словом, во многом одни и те же активисты встречаются на разных мероприятиях, создаются рассылки, устанавливаются прямые контакты — создается активистская среда подвижников жилищного самоуправления. Проблема в том, что сил не хватает для массовой информационной кампании. Есть отдельные городские (активистские) газеты, освещающие эту тему, есть специализированные журналы («Председатель ТСЖ», например), но до массы жителей информация не доходит. Отсюда и преобладающая пассивная позиция всех тех, кто переходит по указанию сверху в руки получастных (бывших муниципальных) управляющих компаний или мошенников разного рода.

Главным достижением прошедшего года мы считаем укрепление горизонтальных связей между локальными и тематическими движениями, а также выход на авансцену нового действующего лица — активные граждане. Этому способствовало удачное проведение двух достаточно крупных общероссийских акций социального протеста и нескольких межрегиональных встреч активистов. Жилищное движение все еще самое массовое и самое приближенное к «обычным людям», но за 2008 год оно начало трансформироваться. О сдвигах в сторону экологических и градостроительных проблем, а также вопросов местного самоуправления, мы уже упомянули. Кроме того, по нашим оценкам, в новый год жилищное движение входит расширенным, более политизированным и открытым к другим социальным движениям.

### **Профсоюзное и рабочее движение**

Если говорить об общих тенденциях в сфере социально-трудовых прав, характерных для прошедшего года, отметим явный рост социальной напряженности, связанной как с экономическим кризисом, так с усиленной репрессивной политикой работодателей. За 2008 год, по данным ИКД и Центра социально-трудовых прав, прошли, как минимум, 106 трудовых конфликтов.

Среди них – около 27 забастовок (чаще всего, стихийных), 40 уличных выступлений, 14 голодовок и 26 отказов от выполнения работы. При этом резко возросло число митингов и прочих уличных выступлений сократилось число забастовок. Видимо, уличные выступления за стенами завода кажутся работниками наилучшим способом борьбы против сокращений и за сохранение производства. Можно предположить, что это влияние кризиса и связанной с ним угрозы потери работы.

Относительно успешности предпринятых работниками действий отметим сразу, что большинство конфликтов привели к удовлетворению хотя бы части требований, хотя, как правило, не сразу, а намного позже акции (обычный ход работодателей, чтобы не создавать «плохого» примера). Но с другой стороны, работодатели стара-

---

ются обезопасить себя от новых волнений, чаще всего, методом давления на «организаторов» протестных действий, особенно, когда те принадлежат к альтернативному профсоюзу.

### ***Общие характеристики трудовых конфликтов в условиях кризиса***

Примитивизация акций, переход к оборонительным лозунгам. Если первые 9 месяцев 2008 года растет число забастовок, причем носящих еще отчасти тот наступательный характер, который мы выделили в 2007 году в качестве основного новшества (т.е. с требованием о повышении зарплаты или улучшении условий труда), то в четвертом квартале на смену забастовкам приходят либо уличные акции (митинги, пикеты, блокады дороги и др.), либо индивидуальные отказы от работы из-за невыплаты зарплаты.

Как правило, она представляет собой эффективный способ давления на работодателей лишь в том случае, если большое количество работников подают заявления об отказе от работы – тогда возможна приостановка производства, а давление со стороны работодателя затруднительно. Кроме того, поскольку с принятием нового Трудового кодекса профсоюз фактически лишен права на проведение забастовки, этот способ содействия рабочей борьбе является наиболее доступным. Видимо, все больше работников и профсоюзов учатся использовать право на индивидуальный отказ от работы как форму легальной забастовки, особенно приемлемой в период кризиса и роста задолженности по зарплате. А как раз кризис проявляется сейчас, в первую очередь, массовой задержкой зарплаты.

Кажется, на данном этапе кризиса, профсоюзы и работники нашли удачный вариант «антикризисного» типа трудового конфликта. Однако стоит отметить, что даже в таком формате коллективные выступления, связанные с кризисом, не приобрели массовый характер и даже не охватывают все предприятия, столкнувшиеся с трудностями. Кажется, большинство работников испытывают тревогу за будущее своего предприятия и за свое рабочее место и занимают, скорее, выжидательную позицию. Если массовые волны протеста вообще можно прогнозировать, то, по всей видимости, не раньше марта-апреля 2009 года. Пока люди как-то пытаются выживать на две трети зарплаты, подрабатывают, и, в основном, использует вынужденный отпуск для долгожданного отдыха после длительного периода сверх-эксплуатации.

Кроме коллективно организованных индивидуальных отказов от работы, работники все чаще прибегают к уличным акциям с широким спектром требований, связанных в основном с сохранением предприятия и рабочих мест. Насколько можно судить исходя из имеющихся данных, эти митинги мало влияют на решение работодателя о сокращениях, но могут привлечь внимание общественности и властей и этим как-то «тормозить» ситуацию. Были редкие случаи перекрытия дороги или «захвата» кабинета директора (так, 12 ноября на Уфимском приборостроительном производствен-

---

ном объединении произошла забастовка в форме одновременного прихода на личный прием к директору государственного авиапредприятия ста работниц цеха №5), но пока преобладают «мягкие» формы митингов и стихийных сходов. Не зафиксированы (пока?) случаи захвата предприятий рабочими в ответ на разворовывание завода, как было на некоторых западных предприятиях и как было в самой России в конце 90-х.

Забастовки и трудовые конфликты распространены по всей стране от Владивостока до Калининграда. Забастовки происходят не только в крупных городах. Значительная их часть проходит в малых городах и поселках, на градообразующих предприятиях, когда работники, поддерживаемые всеми жителями, борются за спасение всего поселка.

Отраслевой разброс трудовых конфликтов также велик. Прежде всего, однако, это перерабатывающие отрасли (особенно металлургия, цементная, деревоперерабатывающая и химическая отрасли), добывающие отрасли (особенно угледобыча и золотодобыча), строительство, транспорт. Но кроме этого, забастовки происходят в машиностроении, в оборонной промышленности, в сфере обслуживания и коммунального хозяйства, легкой промышленности. Не остается в стороне и бюджетный сектор (здравоохранение и образование).

Пожалуй, явное отличие по сравнению с позапрошлым годом – меньше трудовых конфликтов зафиксировано на российских филиалах транснациональных компаний. Возможно, это естественная пауза после всплеска активности: кто-то добился требуемых уступок, а кто-то ушел в глухую оборону от разъяренного работодателя.

### ***Растущая роль профсоюзов***

Роль профсоюзов растет. Самые громкие забастовки прошедшего года были организованы профсоюзами, в первую очередь, - «альтернативными» профсоюзами.

Пример забастовку на шахте «Красная шапочка» при содействии независимого профсоюза горняков (НПГ) (более ста горняков шахты в конце марта отказались подниматься из забоя на поверхность, выдвинув ряд требований владельцам шахт, в том числе о повышении зарплаты на 50 %, затем последовала голодовка, закончившаяся 18 апреля возобновлением работы после получения соответствующих обещаний). Или же забастовку, прошедшую 28 апреля, на московской железной дороге, которую организовал «непризнанный» свободный профсоюз локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ).

Но самый распространенный метод содействия у профсоюзов – организационная помощь при оформлении индивидуальных отказов от выполнения работы из-за невыплаты зарплаты.

Однако в то же время профсоюзы (равно как и прочие неподконтрольные властям формы самоорганизации) подвергаются усиленному прессингу. Так были слу-

---

чаи избивания профсоюзных активистов «неизвестными лицами», а лидер профсоюза АПРОСА в Якутии, арестованный 13 сентября «за хранение наркотики», до сих пор сидит в тюрьме, это месть за успешную забастовку 25-27 августа, А уж более мелкие преследования и практика дискриминации работников за принадлежность к «нелояльному» профсоюзу распространены повсеместно.

Борьба с независимыми профсоюзами – одно из проявлений ужесточения политики управления рабочей силой, применяемой работодателями во время кризиса.

В условиях кризиса работодатели нацелены на урезание затрат на рабочую силу, на сохранение прибыли или хотя бы капитала, а также на установление полного контроля над профсоюзами и прочими «бунтовщиками».

То же самое можно говорить и о репрессивном законодательстве, особенно по части регулирования трудовых споров. В связи с кризисом ожидается всплеск акций протеста, в том числе на производстве, поэтому особенно важно сейчас вернуть работникам право на забастовку, иначе акции протеста будут носить все более стихийный и деструктивный характер, как и для самих рабочих, так и для общества в целом. Но политики остаются глухими. С мая 2008 года поправки, предложенные экспертами, «зависли» в Роструде. Есть предположение, что существует негласный приказ во время кризиса законодательство о труде «не трогать». По крайней мере о необходимости введения такого моратория публично объявил Михаил Шмаков, глава ФНПР. В противовес этому свободные профсоюзы заявляют о необходимости срочного внесения целого ряда поправок, расширяющих права профсоюзов и наемных работников. И именно в связи с кризисом.

### ***Гастарбайтеры***

Трудовые конфликты охватывают почти все социально-профессиональные категории работников (появились сообщения о попытке создания профсоюза офисными работниками. Если в 2007 году передовой отряд забастовочного движения составили высококвалифицированные и относительно молодые работники, то вместе с кризисом и распространением такой формы действий, как митинги, все больше активизируются пожилые работники, работающие пенсионеры и малоквалифицированные работники.

Но стоит особенно отметить активизацию специфической категории работников – самой дискриминированной и уязвимой – гастарбайтеров. За 2008 год были зафиксированы несколько случаев стихийных забастовок иностранных строителей, но самой шумевшей и показательной стала акция строителей-гастарбайтеров, устроивших двухнедельную забастовку в Екатеринбурге с 27 ноября по 9 декабря с требованием выплаты задолженности по зарплате. Напомним, более 300 строителей из Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана, строящих элитный дом в центре города, устроили забастовку, требуя выплатить зарплату за выполненные работы. И таких

---

ситуаций будет все больше, что ставит в повестку способность проявлять солидарность, не позволив властям, которые в таких ситуациях, как правило на стороне работодателя, расправиться с протестующими.

### ***Каковы перспективы рабочего движения в условиях кризиса***

Очевидно, что методы действий надо будет скорректировать исходя из реалий кризиса. В этой связи крайне необходимо наличие не только организационных структур, но и координирующих – межрегиональных и межотраслевых. Где их взять?

ФНПР как таковая - инертная и бюрократизированная структура, неспособна к конфликтным ситуациям, и вряд ли будет играть такую роль, по крайней мере, на федеральном уровне.

Свободные профсоюзы начали вновь расти с 2006 году, но пока еще мало представлены и слабы. Пожалуй, межрегиональный профсоюз работников автомобильной промышленности (МПРА) является на сегодняшний день самой перспективной координационной структурой.

### **Экономический кризис: перспективы российских социальных движений и левых**

Впреки формальной логике, которую мы уже критиковали в начале статьи, на фоне относительной активизации социальных движений российские левые не усилились в равной мере. Конечно, они тоже пытаются ловить «ветер перемен» в свои паруса, но пока не слишком успешно.

Собственно, связанные с монетизацией массовые волнения 2005 года были такой же неожиданностью для левых, как и для правительства. Измученные пассивностью населения, они, кажется, стали считать эту пассивность (не столько публично, сколько на уровне субъективных ожиданий) безнадежно стабильной.

КПРФ - не в счет, она собственно, всегда играла с властью в роли младшего партнера и не испытывала нужды в какой-либо массовой мобилизации между выборами, где в любом случае набирает за счет ностальгирующей части населения свои 15-20% голосов.

Революционные левые тоже не смогли предугадать грядущий подъем, потому что первым пришел в движение слой, наиболее презираемый ими как конформистская основа власти (и ее близнеца – КПРФ) - пожилые люди.

Лишь часть смогла оперативно принять участие, попытавшись организовать людей, перекрывающих дороги и устраивающих стихийные митинги. Позже они же попытались создать координационные структуры, используя популярный среди левых опыт советов. Именно, некоторые из этих советов, выжив, смогли пережить время «засухи» (отлива) и дожждаться нового подъема. Собственно, они и имеют шанс стать



---

главными узлами формирующейся общероссийской протестной сети, поскольку условия, породившие советы в 1905 году, воспроизводятся и на новом этапе.

Левым активистам пришлось пройти болезненную школу налаживания диалога не только с рабочим классом – своей традиционной, (хотя часто лишь умозрительно представляемой) аудиторией, но также с такими экзотичными для них группами как активисты жилищного самоуправления, представители разоряющегося мелкого бизнеса или защитники экологии.

Естественно, каждый выбрал себе то, что ему ближе, исходя из ситуационных или идеологических предпочтений. Однако, примитивный идеологизированный подход способен принести здесь (как и вообще, в условиях реального политического и социального процесса) большие разочарования. Например, жители заводских общежитий в большинстве своем уже не работают на предприятиях, которым раньше принадлежали эти дома. Так что левым ожидающим увидеть там массы рабочих, предстоит испытать разочарования. А главным (и далеко не революционным) требованием жителей общежитий является приватизация занимаемых ими и комнат, главным образом, для того, чтобы застраховаться от попыток выселения со стороны новых хозяев и государства.

В то же время, профсоюзное движение, хотя и развивается, но, несмотря на все усилия левых активистов побудить профсоюзы к участию в солидарных акциях с другими организациями, остается пока наиболее замкнутой частью российского социального движения.

И все же, логика развития ситуации в стране и интересы развития протестного движения толкают левых, несмотря на яростные споры по поводу авангардизма, оппортунизма, авторитаризма, к более широкой и смелой работе с социальными движениями.

В стране, где уровень доверия к традиционным представительным институтам публичной политики (парламенту, партиям) крайне низок, неудивительно, что все чисто политические лозунги вызывают недоверие. Под ними пока нет реальной силы и население, которое приглашают к этим лозунгам примкнуть, это чувствует. Развитие социальных движений – единственный способ такую силу создать – и это в свою очередь чувствуют левые. Поэтому укрепление связи между левыми политическими организациями и социальными движениями – самая насущная задача. На этом пути левых активистов подстерегают опасности, например, превратиться в инструмент и объект эксплуатации со стороны прагматичных «социальщиков», но политика – всегда полна опасностями и являет собой искусство коалиций.

Два типа лидеров, идущих навстречу друг другу. Политизирующийся (недавний обыватель) и политический активист, неудовлетворенный бесплодной схоластикой и идущий в социальные движения для того, чтобы революционизировать их (однако, те, кто приходит поучать и руководить – не задерживаются надолго).

---

---

### ***Кризис и возможные альтернативы***

Общественные движения и неформальные инициативы становятся все более востребованным инструментом. В условиях кризиса люди начинают искать способы выражения своих протестных настроений, возникающих как следствие невозможности решить возникающие проблемы разрешенными властями методами.

Социологические опросы свидетельствуют о смене настроения в виду роста недовольства работодателями и властями. В обнародованном в декабре опросе, проведенном Фондом «Общественное мнение», 27% работающих опрошенных заявили о своей готовности принять участие в забастовке, что составляет рекордное количество за последние годы.

Отдельные события указывают на явную смену восприятия властей и самого протеста. Напомним лишь о стихийной блокаде железной дороги в пос. Матырский (Липецкой обл.), бунте пенсионеров в Барнауле или автолюбителей.

Однако в то же время профсоюзы (равно как и прочие неподконтрольные властям формы самоорганизации) подвергаются усиленному прессингу.

### ***Паника властей***

Пока власти настойчиво призывают людей не паниковать, создается четкое впечатление, что, если до сих пор население скорее спокойно и выжидательно реагирует на кризис, то правящие круги как раз паникуют. Иначе как объяснить ужесточение законодательства об экстремизме и о «госизмене»? Как объяснить жестокий разгон омонтовцами популярных (широко обсужденных) акций протеста автомобилистов во Владивостоке 20 и 21 декабря? Охота на выдуманных «организаторов» стихийных акций протеста барнаульских пенсионеров 26-30 октября против отмены льготного проездного, или неких «зачинщиков» акции матырцев (поселок в Липецкой обл.), которые 30 декабря перекрыли железнодорожную трассу в знак протеста против вредного стекольного производства?

По слухам, распространенным отдельными Интернет-СМИ, некоторые из этих случаев могли уходить корнями в высший эшелон власти – то крыло элиты, которое нацелено на силовой путь подавления протеста, могло пытаться таким образом пересечь протесты, профилактически «обезвредив» потенциальных мятежников.

Однако, если некоторые высокопоставленные чиновники думают таким образом контролировать ситуацию и избежать бунтов, то они глубоко ошибаются. Скорее, наоборот, лишив протестную волну организующего начала, они обрекут себя на спираль насилия.

Отметим еще возможную роль координационных советов или комитетов солидарных действий, действующих в рамках Союза координационных советов России (СКС) или сами по себе, на уровне отдельных городов. Если, как это сейчас медленно происходит в Санкт-Петербурге, в Ижевске, Перми и ряде других городов, начнет-

---

ся процесс сближения профсоюзно-рабочих структур и коалиций социальных активистов, то возможна какая-то координация на базе этих расширенных комитетов. О такой возможности отчасти говорит успех проведенной 25 октября в 32 регионах страны исключительно по инициативе низовых сетей социальных активистов единой акции социального протеста «День гнева». О возможной солидарности между различными социальными активистами и профсоюзными деятелями говорят акции протеста, прошедшие 30 ноября в Москве (300 участников), Санкт-Петербурге (около 100 участников, где была большая профсоюзная делегация) и ряде других городов в знак протеста против нападений на социальных и профсоюзных активистов.

Но все это всего лишь вероятность. «Пока что, несмотря на положительную тенденцию, отмеченную уже несколько лет, в России социальные движения еще слабы, мало взаимодействуют и почти отсутствуют в широком информационном поле. То же самое можно говорить о профсоюзном движении (имеется в виду профсоюзы, способные на конфликты и на выход из-за предела собственного предприятия). Есть зачатки, есть даже испытанные временем и давлением неформальные сетевые структуры, но нет уверенности в том, что они окажутся достаточными для координации действий, для выхода на общие требования и для расширения охвата». — отмечает К. Клеман.

### Сети

Как мы уже отмечали, формирование коалиций и сетей (в основном, по жилищной тематике, но не только) идет достаточно интенсивно, но координация на общероссийском уровне пока только начинается). Важным фактором общения и налаживания горизонтальных связей являются общественные форумы, проходящие в различных регионах. Например, в рамках Сибирского социального форума (ССФ) 8—10 августа в Иркутске, или межрегиональных конференций Союза координационных советов России (КСК) — 29-30 марта в Саратове и в августе одновременно с ССФ.

Именно в Иркутске на Форуме было принято решение о проведении общероссийской акции протеста 25 октября, что значимо, поскольку это стало решением не московских политтехнологов, а низовых активистов. Ведь участвовали в работе Форума более 250 человек из 35 регионов, от С-Петербурга до Сахалина — координационные советы, профсоюзы, антифашистские инициативы, студенческие активисты, правозащитники, жилищные активисты, инициативные группы против уплотнительной застройки, левые активисты, организации инвалидов, советы пенсионеров, экологи.

Отдельно стоит остановиться на КСК и на его роли в консолидации движения. Инициатива организации «единого дня» принадлежит именно КСК. По нашим оценкам, Союз координационных советов — самая дееспособная низовая коалиция на сегодняшний день. Напомним, что эта коалиция создана после массовых выступле-

---

ний против «монетизации» льгот и объединяет сегодня 30 региональных координационных советов. Примечательно, что СКС вырабатывает алгоритм коллективных действий между разными городами и тематическими движениями, поэтому и служит мостиком между жилищным движением (самое главное направление деятельности СКС в последние годы) и другими движениями. За год и благодаря инициированным им двум общероссийским дням единых действий, СКС расширил свой географический охват (установлены организационные связи с Сахалинским, Сочинским и Калининградским движениями), набрал опыт проведения информационной кампании, и успешно справился с задачей координации общероссийских акций.

Напомним про две всероссийских акций. Сначала, в рамках общемирового дня социального протеста 26 января, прошел единый день действий «За гражданские права и социальную справедливость». Акции разного рода прошли в 24 регионах РФ. Большинство требований и акций были посвящены жилищной тематике. Можно сказать, что в этот день активисты международных социальных движений узнали о том, что в России также бывают активные жители. Впоследствии завоеванный авторитет утвердился еще и на Европейском социальном форуме. Удалось добиться узнаваемости и признания российского жилищного движения на международном уровне. Однако, в этот раз в России социальные движения не смогли прорваться в широкое информационное поле. В этот же день — по уже ставшей привычке — КПРФ решила (намного позже того, как день уже был объявлен международным днем солидарности) устроить свою первую всероссийскую агитационную акцию за кандидата Зюганова, что затмило гражданское значение этого дня.

Однако вторая попытка увенчалась успехом. В рамках всероссийской акции «День гнева» 25 октября участвовали в единых действиях уже 32 региона. Опять-таки для большинства регионов жилищная тематика оказалась главной. Но все регионы выразили поддержку общим требованиям, проявили солидарность с другими движениями и другими городами, четко заявили о главном лозунге — «Власть — под общественный контроль!».

Не столь важно, сколько человек участвовало в каждом мероприятии (от 1000 до 50, а иногда и 20 чел.) — важно то, что горизонтальные сетевые связи укрепились, выработался всероссийский механизм мобилизации социального протеста, который вполне может превратиться в механизм давления на власть. И, не менее важное — вышли на улицу не только «завсегдашние» митинговщики, и не массовка, а социальные активисты. Обычные граждане, которые за последние несколько лет, а то и месяцев, начали смотреть на мир другими глазами. Это те, кто, столкнувшись с конкретной проблемой, нарушением своих прав, не смирились, а начали бороться. Именно бороться, потому что в России обычным «законным» способом решить ничего почти нельзя — власть имущие, будь-то чиновники, представители правительств,

---

работодатели — игнорируют законы, когда они им не выгодны. Именно к этому выводу пришли те, кто сказали 25 октября «чаша терпения переполнилась!».

«Сама власть делает нас борцами за справедливость», — метко заявил по этому поводу один из жилищных активистов из Бутово. Это костяк нового социального движения России, единственная живая сила, способная бросить вызов существующей системе власти, положить конец системе двойных стандартов и избранного исполнения закона. Вот такая сила 25 октября 2008 года не то, чтобы родилась (она развивается уже несколько лет), но вышла на свет. Впервые о ней заговорили в публичной сфере. Даже не важно сейчас в каких терминах, важно, что она показала себя. Это не прокремлевские марионетки, не антикремлевские «пешки», а независимая общественная сила. Это не партийная организация, не НКО, и даже не единая организация, это сеть низовых социальных инициатив, которая по определению не попадает ни под чей контроль.

Прошедшие за год кампании и общих мероприятий позволили построить мостики между различными социальными движениями, между жилищниками и профсоюзами, между «обманутыми соинвесторами» и борцами с «уплотнительной застройкой», между левыми радикалами и простыми жителями, неформалами-антифашистами и более традиционными активистами. Не в полной мере, конечно, но, кажется, сознание о необходимости солидарности приходит ко многим лидерам, особенно перед лицом общей угрозы (как показали акции протеста, прошедших 30 ноября в ряде городов в знак протеста против нападений на социальных и профсоюзных активистов).

Отметим еще растущую политизацию жилищных, а, шире, социальных движений. Это явно проявилось на Сибирском соцфоруме, но не только. Политизацией является следствием осознания на опыте ограниченности чисто юридических действий и безответственности властей. Поэтому все больше социальных активистов вставят вопрос о политике и власти. Однако стоит вопрос о том, как заняться политикой. Здесь большой разброс, порой до сумбура, в идеологических взглядах активистов. По нашему ощущению, самым распространенным убеждением, пожалуй, является то, что социальное движение уже само по себе может стать политической силой, если оно будет укрепляться, расширяться и выдвигать альтернативную программу развития города (и далее страны?). Также звучат мнения о том, что пора социальным инициативам идти единым фронтом на городском уровне и ставить вопрос об участии в местных выборах.

Вывод этой, стихийно идущей политизации на общероссийский уровень, как по лозунгам, так и по уровню координации усилий по их воплощению жизнь, выведение требований за рамки локальных проблем, в конце концов, постановка вопроса о взятии власти (если конечно, понимать под этим не замену одних лиц в верхних эшелонах на других, как мечтает либеральная оппозиция, а реальный переход власти от одного класса к другому), есть задача левых в современном политическом процесс на следующем его этапе.

---